

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АКЫНОВ-ЗАМАНИСТОВ

До недавнего времени творчество акынов-заманистов являлось *terra incognita* в контексте развития кыргызской литературы в советскую эпоху. В критике и литературоведении советского периода господствовала точка зрения, согласно которой мировоззрение акынов-заманистов считалось консервативным и реакционным по своей направленности, нередко заманистов обвиняли в мистицизме и религиозном эсхатологизме. Читатели смогли более менее полнее прикоснуться лишь к творчеству заманиста Молдо Кылыча, в произведениях которого идеологически ориентированная критика усматривала прогрессивные идеи (призывы к просвещению, интернациональные мотивы и т.д.). Кроме того, Молдо Кылыч оказал заметное влияние на творчество одного из крупнейших акынов рубежа веков и советского периода - Тоголока Молдо, что было отмечено еще в 40-е гг. М. Богдановой [Богданова, 1947:95]. Лишь в настоящее время творчество акынов-заманистов оценивается достаточно объективно, без идейных ярлыков, оно оригинально, самобытно, отличается философичностью, автобиографизмом, фактографичностью, воплощенными на высоком художественном уровне.

Исследования последних лет показали, что заманисты вовсе не являлись ретроgrадами и обскурантами. Это были хранители духовной культуры кыргызов, и как глубокие, вдумчивые мыслители, с позиций исламского мировоззрения и стереотипов народного менталитета естественно с осторожностью относились к разнообразным социальным тенденциям, обусловленным связями с российской империей во 2-й пол. XIX в. Оценка наблюдавшихся заманистами явлений носила, как и следует ожидать, по преимуществу негативную окраску. Однако в силу объективных факторов эта оценка менялась, о чем лучше всего свидетельствует эволюция русской темы в творчестве заманистов.

Теперь совершенно очевидно, что заманистов интересовал прежде всего сам человек в изменчивом и противоречивом мире. Протест вызывали у них порождаемые новым временем несправедливые порядки, падение

нравов прежде всего в среде соплеменников, охватившие людей жадность, корысть, расчет, эгоизм. Акыны предвидели упадок старинных обычаев и традиций, которые формировали культуру народа. По их мнению, потеря уважения к национальным традициям, истокам духовной культуры оборачивалась потерей уважения людей к самим себе.

Интересно в этом контексте проследить эволюцию русской темы в творчестве заманистов, которая, на наш взгляд, связана прежде всего с образами русского человека и русской культуры в эпоху до- и после присоединения Кыргызстана к российской империи. Вместе с тем неминуемо будет затронут факт переоценки ценностей и ломки стереотипов в сознании акынов-заманистов относительно освоения русской темы. При этом, разумеется, в расчет будет приниматься взаимосвязь социально-политических, экономических и культурных тенденций рассматриваемых хронологических периодов, в которые творили заманисты.

Для начала, однако, определим хронологические рамки поэзии «за-ман» и дадим характеристику этому явлению. В истории кыргызской литературы поэтические произведения, бытовавшие примерно в период с 1876 по 1916 гг. известны под общим названием *заманов*. Известный исследователь, музыковед В. С. Виноградов характеризует понятие «заман» следующим образом: «Заман - время, эпоха. Этим термином обозначается также особый жанр песен, в которых акын выражает свое отношение к переживаемому времени; например, в дореволюционном прошлом слагались "Зар заманы" — буквально — "эпоха слез", в наши дни - "Жаңы зама-ны" - "новое время" и другие» [Виноградов, 1952:205]. Литературоведы позднего времени трактуют «заман» как стихотворный жанр религиозно-нравоучительного содержания [Кылыч, 1990:3].

Итак, исторический факт присоединения Кыргызстана к российской империи побудил заманистов одними из первых обратиться к русской теме. Начало было положено потомком знатных родоправителей *Кстыгу-лом Байуулу* [1] (1785-1855), был потомком знатных родоправителей, он имел мусульманское образование и был знаком со среднеазиатской литературой.

Исследователь А. Эркебаев отмечает, что Калыгул, «в отличие от других кыргызских акынов-певцов <...> не играл на комузе, не пел на тоях (пирях) и ашах (поминках), не участвовал в айгышах (поэтических состязаниях), а слагал свои песни в форме афоризма, изречения, наставления, ораторского искусства. Поэтому народ воспринимал его не как певца (ырчы), а как акына-мыслителя, акыша-ггровидца (олуя)» [Эркебаев, 1999:100-101]. Народ действительно и в настоящее время почитает акына за святого.

Судя по сохранившимся произведениям Калыгула, поэт предсказывал приближение грозных событий и видел в них предначертание рока.

Игающиеся события он рассматривал как приближение «акыр зама-на» конца мира, или Судного дня, и связанного с ним возмездия за попрание священных обычаев предков и нравственную дефактацию человека, и результате которой «станут все люди бессердечными...».

Наступление времен неведения, упадка Калыгул связывал с чуждой культурой, воплощенной русской немусульманской культурой, представленной образом русского человека, «оруса». Между тем этот образ для Калыгула с точки зрения восприятия незнакомой инонациональной культуры через стереотипный народный менталитет оставался аморфным, разорванным, нецельным, что способствовало отчасти его мифологизации. И

это было естественным, поскольку в условиях зарождающихся социально-политических, экономических и культурных связей кыргызы и не могли воспринимать русских иначе и воспринимали их примерно также, как русские «экзотических» китайцев.

Вторжение чуждой культуры настораживало Калыгула, так как фотило нарушением древней традиции патриархальных отношений, падением нравов, и как следствие - изменением уклада жизни кочевников, и их притеснением со стороны пришлых иноверцев. Таким образом, процесс вхождения Кыргызстана в состав Российской империи не мог проходить безболезненно, и люди живо реагировали на эти знаменательные события, что, в свою очередь, фиксировалось акынами-заманистами.

Однако не следует думать, что Калыгул связывал многие деструктивные процессы в жизни кочевников исключительно с приходом русских. Он не избегал смелых высказываний и в адрес властных соплеменников, бесовственно притесняющих народ. К примеру, резкой критике он подвергает сарыбагышского хана Ормона, который «не заботится о бедных, занимается поборами, жаждет крови и хочет воевать с казаками» [Эркебаев, 1999:102]. Калыгул открыто называет его «кровопийцей», «ненасытным рвачом и взяточником», предвещая ему незавидный конец, во многом связанный с приходом русских [Эркебаев, 1999:102]. Вообще Калыгул больше всего апеллировал к нравственности своих современников, призывая хранить народные традиции, ценить родину, жить в согласии и толерантности.

Русская тема не получила широкого развития в поэзии Калыгула, но он, безусловно, был одним из первых акынов, положивших ей начало. Младший современник Калыгула акын-заманист *Арстанбек Буйлаш уулу* (1824-1878) активно продолжает развивать русскую тему, будучи свидетелем последствий вхождения Кыргызстана в состав монархической России. Арстанбек был акыном-писменником, и его можно считать одним из родоначальников дореволюционной письменной литературы кыргызов. Широкий репертуар его песен отличался жанровым разнообразием, он исполнял импровизации - терме, афористические песни-поучения - санаты, философско-элегические песни-жалобы - арманы, участвовал во многих песенных состязаниях - айтышах. Многие его произведения отличаются автобиографичностью.

Как и Калыгул, Арстанбек был свидетелем многих сложных и драматических событий в жизни кыргызского народа: гнета Кокандского ханства, кровопролитной усобицы между родами сарыбагыш и бугу, вхождения Кыргызстана в состав Российской империи, давления аппарата царско-чиновничьей администрации, потоков переселенцев и др. Все это акын отразил в своей популярной поэме «Тар заман» («Трудное время», или «Эпоха безысходности»).

Многое предвещает Арстанбек в своей скорбной поэме: падение нравов, природные катаклизмы, повсеместный упадок, кризис; с горечью он возвещает о том, что жены забудут свои женские обязанности, девушки потеряют стыд и совесть. Частыми рефренами поэмы являются риторический оборот: «Что же за время пришло к тебе, о мой народ?» и образное сравнение:

Это время - трудное время. Богатому - это обилия время, Бедному -
скорби, бессилия время.

Пришло твое время, пришло, надвигаясь, Словно борзая собака цепляясь.
[ТВА, 1997:77]

Своеобразно звучит русская тема в поэме Арстанбека. Образ русского человека в творчестве Арстанбека и в поэме «Тар заман», в частности, достигает известной степени мифологизации. Понятие «орус» становится клише с демоническими чертами поработителя, разрушителя, лжеца и т.д. Такое стереотипное восприятие образа русского человека подхвачено Арстанбеком вслед за Калыгулом и достигает утрированных масштабов.

«Орус» для Арстанбека образ не только мистико-демонический (ср. уподобление русских приказчиков, рассыльных образу демонического существа «желмогуз» в поэме «Тар заман»), внешний облик «оруса» также экзотичен - белолицый, голубоглазый, он окружен ореолом мистической разрушительной силы. Но опаснее и ужаснее всего то, что «орусы» посягают на ритм скотоводческой жизни кочевников. К примеру, они косят травостой и контролируют для своих нужд пастбищные земли. В конце концов «все в мире подлуном они поглотят», сокрушается Арстанбек [ТВА, 1997:72]. Введены деньги, в обыкновении «орусов» скрупулезно считать копейки. При этом акын иронизирует над изображением двухголового орла, осененного короной на царских монетах. Эта корона, таким образом, этнокультурно преломляется в поэтическом восприятии Арстанбека в виде головного убора замужней женщины - элечека [см. Арстанбек, 1994:23]. Инокультурная символика оказывается чуждой для акына. За «орусами» сила, и акын сокрушается, как окрепла система протектирования: стоит кому-то из влиятельных кыргызов обратиться к русской начальству, как обеспечен пост волостного управителя - болуша или какой-нибудь другой.

Инокультурные явления способствуют созданию разнообразных поэтических контрастов у Арстанбека. С одной стороны, акын образно описывает паровоз, как техническое чудо, с другой, - связывает с русскими всевозможные козни и проделки. Удивительна их одежда без подола и рукавов, носят они широкополые шляпы, но, там, где появляются «ору-сы», возводятся крепости, а мирные села разрушаются. Власть чиновничьих бумаг становится угрожающей, телеграф — демоническое творение: по телеграфным линиям разносятся доносы. «Орусы» заявляют на все свои права, берут под учет земли, вынуждают кыргызов отдавать сыновей в солдаты и т. д.

Нравы русских, их менталитет чужды кыргызам, по мысли Арстанбека, теперь кыргызы унижены, лишены былого авторитета, обычаи обесценились. Для кыргызов-мусульман настало трагическое время. Русские

построили станции, надежные, подобные кумбезам-мавзолеям, тюрьмы, двухэтажные особняки, дома в десять комнат. При этом Арстанбек отмечает особенность русских: живут долго, длинен их век, но они всегда настороже. Утрированная мифологизация образа «оруса» смыкается с национально-мифологическим воззрением: у русских могучие духи-покровители, по замечанию акына [см. Арстанбек, 1994:31].

Но Арстанбек не фиксируется только на критике инонациональной культуры и изменений в социальной жизни кыргызов с ней связанной. Гневным инвективам акына подвергаются негативные явления в собственно кыргызском обществе: притеснения со стороны местных волостных, старшин, всевозможных начальников. Как гуманист и патриот акын выступает против всякого притеснения, хоть со стороны русских правителей и чиновников, хоть со стороны кокандских, или кыргызских.

Постепенно отношение Арстанбека к «орусам», их культуре меняется от резко негативного к вполне лояльному. Более того, в «Песне о бу-гинцах, бежавших в Кашгар», поэт признается, что «стал сотрудничать с их (русских. - Д. К.) администрацией, выступая порой посредником между ними и кыргызами» [Эркебаев, 1999:108]. А стихотворении Арстанбека «Власть русского султана» А. Эркебаев правомерно, на наш взгляд, называет своеобразным гимном русскому народу, поскольку в нем «воздаётся должное героизму и силе оружия русского народа, отмечается его хозяйственная смекалка и другие достоинства», благодаря чему, по мнению Арстанбека, «русские уже выступают гарантом мирной жизни и безопасности кыргызов» [Эркебаев, 1999:108].

На наш взгляд, ясность в использовании этнонима «орус» в творчестве Калыгула и Арстанбека вносит исследователь А. Дононбаев: «...Термин "орус" акыны-заманисты использовали в разных значениях. Они видели, что приход русских принес много полезного и хорошего. Произвол и беззаконие, царившие до присоединения к России, постепенно исчезли. Строились дороги, почтовые станции, открывались рынки, появлялись новые земледельческие культуры.

С другой стороны, растущая эксплуатация, вызванная приходом русских, их поведение, основанное на совершенно иных представлениях о должном и недолжном, не могли не вызывать отрицательной реакции. Но было бы неверно помещать критические высказывания в адрес "орус" у акынов-заманистов в ряд антирусских настроений. Следует подчеркнуть, что понятие "орус" не имеет какого-либо национального содержания (выделено А. Дононбаевым. - Д. К.), а представляет скорее комплекс тех положительных и отрицательных новаций, которые вторглись в тогдашний быт народа» [Дононбаев, 1990:127]. По сути, речь идет о столкновении и вместе с тем взаимообогащении культур прежде всего на социально-политической и экономической почве.

Младший современник Арстанбека *МолдоШ Кылыч Шамыркан уу-лу* (1866-1917) являлся потомком правителей-манаров, имевших из века большое влияние на многие кыргызские племена. Однако жизнь его выдалась отнюдь не безоблачной: он рано осиротел, испытал лишения, невзгоды, вел крайне скромный образ жизни и буквально сводил концы с концами, обеспечивая свою многодетную семью тем, что время от времени учительствовал, составлял и переписывал деловые бумаги. Будучи акыном-письменником, Молдо Кылыч, подобно Арстанбеку, стоял у истоков письменной литературы кыргызов. Он знал казахскую, татарскую и узбекскую литературу, читал газеты и журналы. Его произведения пользовались большой популярностью не только на севере Кыргызстана: акыны Чуйской и Иссык-Кульской долин приезжали послушать его Молдо Кылыча и получить от него советы.

Русская тема в творчестве Молдо Кылыча раскрывается совсем иначе, нежели у его предшественников. Мы не встретим у акына никаких резко критических высказываний, инвектив в адрес «орусов». Напротив, с проникновением русской культуры в жизнь кочевников он связывает целый комплекс позитивных процессов, о которых будет сказано далее. Все это отчетливо выражено в таких известных произведениях Молдо Кылыча, как «Зар заман» («Время скорби») и «Сказание о Чуйской долине». Поэма «Зар заман» продолжает традицию заманов, т. е. в ней последовательно выдерживаются религиозно-нравоучительная линия и социально-критический пафос. Однако меняются идейные акценты автора произведения. В результате эволюция русской темы в творчестве Молдо Кылыча достигает своего апогея с точки зрения признания акыном плодотворности кыргызско-русских взаимосвязей на самых разных уровнях. Но об этом речь впереди.

Молдо Кылыч делает акцент прежде всего на негативных явлениях, наблюдающихся в кыргызском обществе. На передний план выдвигается нравственный кризис, который акын связывает с Божьим наказанием: «Время изменилось - // И мулла тираном стал. // Словам отца // Дети не дают хода, // Люди скверного времени, // Вы Богом наказаны...» [Кылыч, 1990:5] (Далее в целях экономии места будут указываться только страницы. — Д. К.). У людей обострилось стремление к наживе, материальному обогащению. Так, с горечью акын констатирует: «Все люди стали торговцами - // Барышом наживаются» [там-же:7]. Тягостное впечатление дополняют картины внутренних усобиц, политической борьбы: «Тиранами становятся // Люди нашего времени», - сокрушается акын [там-же:6]. Своих соплеменников Молдо Кылыч порицает за неумение управлять народом, за корысть, склонность к интригам, раздуванию вражды. Ср.: кыргызы «ссорятся и враждуют», «...мы больше всего от самих кыргызов пострадали...», «Вот свои же бии и болуши // Безбожно обдирают...» [там-же:8] и т. д.

На фоне негативных явлений, происходящих в кыргызском обществе, образы русских и их культуры наполняются позитивным содержанием. Так, акын говорит: «От самих русских мы не пострадали, // Мы не видели, чтобы они сами делали зло. // Об их злодеяниях мы говорим напрасно. // Они не вредят людям. // Через переводчиков разговаривают они. // Не оскорбляют веру твою. // Не злоупотребляют властью. // Что скажут киргизы - тому он верят» [там-же:8].

Как акын-просветитель, наставник, тонкий психолог Молдо Кылыч положительно характеризует русских, назидательно апеллируя к националистически настроенным соплеменникам. Ср.: «У русских одно добро на душе», «Жадности у них нет», «Дела их умные» [там-же:8], «Посмотри на русских — // Велик их дух» [там-

же:10]. Так творчески умело Молдо Кылыч развивает и обогащает идеи и образы позднего Арстанбека, связанные с русской темой, в дружественном, интернациональном ключе. И лишь временами, отдавая дань заманитской традиции мифологизации образа «оруса», Молдо Кылыч осторожно делает критические замечания в адрес «орусов». К примеру, акын может сказать о том, что русские «не дают нам» отличить правду от лжи [там-же:6], или обрушиться с порицанием бумажных денег, из-за которых расточились богатства народа. Но такие случаи единичны.

Как акыш-просветитель, Молдо Кылыч показывает себя человеком политически грамотным, объясняя, к примеру: если кыргызы подчинились русскому монарху, они, как полагается, обязаны платить необходимый налог, ведь- русские «кроме положенного налога // Лишней копейки... **не** берут» [там-же:8]. Напротив, если бы кыргызы «стали управлять русскими, // То заставили бы их собирать жучков, // Бесконечными были бы их поборы» [там-же:9].

На наш взгляд, весомым достижением акына является активно проводимая им идея межкультурного взаимодействия, выражаемая через интернациональные мотивы. Так, в поэме «Зар заман» содержатся следующие строки: «Киргизы, казахи - кочевой народ - // Выращивают четыре рода скота... // На высоте они лето проводят, // Юрты на вершине гор ставят. // Русские, узбеки и татары // Дома строят и города возводят. // Посадив сад, // Превращают его в цветник» [там-же:9-10]. В данном случае русская тема звучит по-новому — в рамках межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Русская тема воплощена у акына и через замечательные зарисовки быта русских, их национальных особенностей и культурных достижений. Ср.: «Работают русские хорошо, // И животных лучше выращивать умеют. // Жеребята у них, как кони, // А кони - величиной с дувал. // Со стороны не отличишь // Их девушки от молодухи. // Платья на них нарядные, // песни хором они поют. // Какие все они форсистые! // В семь дней один раз бывает - // Воскресенье - праздник у них. // у всемогущего русского // Стальной топор величиной с кетмень, // Оружие пятистрельное // Может пробить камень величиной с юрту. // Паровоз они придумали - // Без коня мчится он. // Техника у них тонка. // Через провода разговаривать умеют...» [там-же:6-7].

Итак, в поэме «Зар заман» отчетливо выражены интернациональные мотивы, содержится идея гармоничного взаимодействия культур - кыргызской, русской, узбекской, татарской, присутствует назидательный пафос, доминирующий над критическим.

В поэме «Сказание о Чуйской долине» Молдо Кылыч отражает нововведения, появившиеся в жизни кыргызов после присоединения к России. Впервые приехав в город Токмак из Кочкорской долины, расположенной в предгорьях Тянь-Шаня, поэт восторгается пестрым, шумным населением города, стройными рядами домов, окруженных густыми садами; он удивляется красочному разноязычному базару, на котором полно казахов, кыргызов, дунган, русских, украинцев, узбеков, татар.

Русская тема в данном произведении продолжает развиваться в русле интернациональных мотивов, межэтнического взаимодействия. Например: «С малороссом русский живет, // Есть начальник у них волостной, // Есть хороший, отборный скот... // Богатеет русский мужик, // До него

рукой не достать...» [АКП, 1957:145]. Или: «И у русских и у дунган // Ість немало плодовых семян» [АКП, 1957:147].

Поэт обращает внимание на то, что с появлением «орусов» (равно и других переселенцев) Чуйская долина превратилась в благодатный край, где стали культивироваться клевер, пшеница, горох, гречиха, кукуруза, кенаф, картофель и др.

По справедливому замечанию А. Эркебаева, «оставаясь правоверным мусульманином, Молдо Кылыч вместе с тем восхищается умелым хозяйничанием на земле русских - и "кафиров", отдает должное благотворному для киргизов процессу перехода к оседлости, искренне убеждает соотечественников брать пример с русских» [Эркебаев, 1999:129].

Отдавая должное благотворному для киргизов процессу перехода к оседлости, поэт искренне убеждает своих соотечественников брать пример с русских, напоминает им о необходимости образования, восприятия всего ценного, что может улучшить их жизнь.

Разумеется, данная статья лишь в общих чертах отражает эволюцию, русской темы в творчестве акынов-заманистов. Эта тема требует дальнейших детальных исследований и представляет большой интерес в плане анализа межкультурных кыргызско-русских связей. Автор попытался осветить основные тенденции становления и развития русской темы в поэзии Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча. Мы констатировали переоценку ценностей, воззрений как ранних, так и поздних акынов-заманистов в связи с освоением этими акынами русской темы. В частности, от обличительной риторики, страстных инвектив (черт наиболее характерных для Калыгула и раннего Арстанбека) заманисты изменили акценты (поздний Арстанбек и Молдо Кылыч), перейдя к риторике прославления деяний русских, восхищения их душевными качествами, признания умелого хозяйствования и технических достижений. Арстанбек в позднем творчестве признает важным и даже необходимым факт присоединения кыргызского края к России. В этом усматривается вовсе не ренегатство акына, а объективное осмысление совершающихся событий, провидческое видение прогрессивных грядущих тенденций в обществе. Акын осознал, по крайней мере, факт принятия Кыргызстаном российского подданства как залог политической стабильности, в частности, защищенности края от внешних угроз. С другой стороны, рушился стереотип о русском человеке, «орусе», это понятие лишалось в творчестве заманистов своих мистико-демонических подтекстов и становилось вполне понятным и близким народному менталитету. Поэтому в поэзии Молдо Кылыча, на наш взгляд, талантливо представлено поэтическое проникновение в инокультурную среду и образ русского человека представлен в более объективном разностороннем показе.из

Таким образом, в акынской поэзии второй половины XIX в. акыны-заманисты во многом явились первооткрывателями русской темы. Впоследствии последующие поколения акынов и профессиональные кыргызские поэты, подхватят открытия, осуществленные заманистами, разовью интернациональные мотивы в своем творчестве и будут придерживаться риторики восхваления русского народа, его деяний, а также в целом воспевать межнациональное единство и согласие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее курсив наш. - Д. К.

[2] «Молдо», т. е. «грамотный человек» это не имя, а звание, которое Кылыч получит в зрелые годы, став акыном. С тех пор «молдо» станет частью имени акына и закрепится за ним. [Д. К.].

ЛИТЕРАТУРА:

[АКП, 1957]: *Антология киргизской поэзии*, М., Худож. лит., 1957.

[Арстанбек, 1994]: Арстанбек: *Ырлар* /Жыйнакты туз. басмага даярдаган Б. Кебекова/, Б., КЭ Башкы ред., 1994.

[Богданова, 1947]: Богданова М., *Киргизская литература*, М., Сов. писатель, 1947.

[Виноградов, 1952.]: Виноградов В. С., *Токтогул Сатылганов и киргизские акыны*, М — Л., Музгиз, 1952.

[Дононбаев, 1990]: Дононбаев А., *Можно ли восстановить связь времен?* //Лит. Киргизстан, 1990, №8, с. 124-127.

[Кылыч, 1990]: Молдо Кылыч. *Зар заман* /Пер. Т. Саманчина// Лит. Киргизстан, 1990, №7, с. 3-11.

[ТВА, 1997]: *Трудное время Арстанбека* /Пер. Д. Крутикова/ // Лит. Кыргызстан, 1997, с. 68-75.

[Эркебаев, 1999]: Эркебаев А., *Малоизученные страницы киргизской литературы [Новое прочтение, пересмотр устаревших идей и представлений относительно кырг. фольклора и лит-ры]*, Б., 1999.